

Alex D

ОТРАЖЕНИЕ

Алекс Д
Отражение
Серия «Любовь и драма»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39424287

SelfPub; 2019

Аннотация

История безумной любви. Немного сумасшедший герой, слегка неадекватная героиня, множество испытаний на их пути: предательства, тайны, интриги, измены. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть 1	5
ПРОЛОГ	6
Глава 1	9
Глава 2	19
Глава 3	50
Глава 4	72
Конец ознакомительного фрагмента.	79

В оформлении обложки использована фотография автора Ian Espinosa "Let's go to war." с <https://unsplash.com>

Поединок Добра и Зла происходит каждую секунду в сердце каждого человека, ибо сердце и есть поле битвы, где сражаются ангелы и демоны

П. Коэльо.

Часть 1

«Равнодушный человек как пустыня: он не злой, но совершенно безжалостный.»

Игорь Карпов

ПРОЛОГ

«Я плохо помню свое детство. Точнее, есть причины – не вспоминать. Как, впрочем, и у многих ... рано, а иногда в одночасье повзрослевших. Хотя есть и другие, не желающие расстаться с легкомыслием и оправданным незнанием, вечные дети, безнадежно погрязшие в уютном мирке ленивого существования, где понятия «ответственность» и «борьба за выживание» так и останутся всего лишь понятиями. Я не спешил примерять на себя чужие прописные истины, фальшивые высокие мировоззрения. Проверял на практике, строил собственные гипотезы, размышлял. Это я помню. Я все время витал по ту сторону реальности, наблюдал, по-детски анализировал. Дети, вообще, забавны в своей искренности. Их взгляд на мир честен, неподкупен, прям, почтив всегда полон неподдельного восхищения. Мы только думаем, что умнее, мудрее, опытнее. Я отдал бы все, чтобы сохранить в памяти обрывки тех великих открытий, которые, несомненно, совершил. Теперь я даже не пытаюсь искать истины, раскрывать тайны мира, заглядывать за завесы заговоров, махать плакатами с кучкой опасных чудаков, окрыленных идеями, но на кой-то прячущих под курткой бутылки с зажигательной смесью. Я не хочу менять мир. Он мне нравится.

Правда.

Таким, как есть.

Мне было семь, когда я прочитал детскую Библию. Вторая книга после «Тимура и его команды». Я родился в СССР. В садике нас заставляли учить стихи о Ленине. Я уже тогда чувствовал, что это неправильно. Громкие лозунги, фальшивые идеи. Коммунизм. Мир. Равенство. Братство. Вроде так.

То полузабытое время и сейчас мне кажется каким-то смазанным темным пятном. А мама вспоминает о нем с благоговением. Я – помню черствый хлеб, мандарины и ее слезы, а еще талончики, ваучеры и первую жвачку. Детская Библия для «октябренька» стала настоящим откровением. Я читал ее все летние каникулы, не пропуская ни строчки, ни слова. Я смотрел на картинки с библейскими сюжетами и замирал от восторга. Моя мама была верующей женщиной, и она с гордостью рассказывала таким же благочестивым подругам, что ее семилетний сын зачитывается Библией. Я видел, как она ждет, когда я закончу, закрою последнюю страницу. Знала, что я ни слова не скажу раньше, чем дойду до конца.

Я думаю, чтобы правильно понять Библию, ее обязательно нужно читать в детстве, и не к чему тогда будут многочисленные споры, переводы и интерпретации.

Чистый, неотягощенный проблемами мира взгляд ребенка на прописные истины.

– Такая интересная сказка, – сказал я, отдавая книгу матери. Она лишь слегка свела брови, видимо, ожидая другой

реакции.

– Ну, теперь, ты знаешь, что у нас есть Бог, милый, – мягко сказала мама, потрепав меня по волосам. – И он очень-очень добрый. И ты должен благодарить его каждый день за то, что он дал тебе жизнь.

– А почему ты называешь его – ОН, мама?

– Ну, как же? Он – Бог, Создатель. Творец.

– Нет, ты все перепутала. Не ОН. ОНА. МАМА. Ты мой Бог, мамочка. ... Слово в слово, я помню, как сейчас. Мама расстроилась, что я иначе понял замысел книги. Хотя и сейчас, положив руку на сердце, повторю те же слова. Но была и другая правда, которую я ей не сказал.

У меня было два Бога, но один из них умер, когда мне было восемь лет. От меня словно отсекли половину, я и сейчас чувствую себя получеловеком. В детстве было сложнее, и только рядом с матерью я ощущал себя целым, наполненным. Или просто пытался верить в это.

Мы не могли забыть. Никто из нас. Мы думали, что переезд в другую страну излечит раны....»

Отрывок из сочинения на тему «О самом близком человеке» студента Максимилиана Эванса. Кембридж. Технологический факультет. 1996г.

Глава 1

«... он открыл глаза, такие странные, абсолютно чёрные, я больше ни у кого таких не видела, без зрачков, будто там жил кто-то совсем другой, в хрустале, холоде, вечной ночи, не жаловался, а думал, как захватить мир.»

Ники Кален «Арена»

Москва 2003 г.

Трое высоких взрослых мужчин и одна девочка лет тринадцати, не переговариваясь, не глядя друг на друга, напряженно наблюдали, как двое коренастых работников кладбища закапывают могилу женщины, которую каждый из скорбящих любил по-своему, но глубоко и искренне. Их было всего четверо здесь, в этот страшный час. Трое мужчин и девочка, объединенные, пригвожденные болью, которая стирала слезы прошлых обид и невидимые стены отчуждений и недосказанности. И все они, дети разных миров, готовы были пролить слезы о той, что ушла внезапно, и не прощаясь.

– Я не знал, Макс. Ты веришь мне? – солидный брюнет средних лет тронул за плечо молодого человека, уткнувшегося носом в воротник модного пальто. – Макс, скажи что-нибудь. Ты уже сутки молчишь. Мне тоже больно. Я очень любил твою мать. Она сама ушла от нас, чтобы вернуться в эту богадельню.

– Не сейчас, папа, – прошелестел охрипший голос моло-

дого человека.

Он не шевелился, не поднимал глаз, и, кажется, даже не дышал, и только белое облачко пара над воротником пальто выдавало в нем живого человека.

– Не будь таким сейчас, Макс. Не отдаляйся от меня, словно я виноват в том, что твоя мать сбежала к любовнику.

Девочка, которая все это время стояла в сторонке, держась особняком от остальных, вздрогнула, вскинув светлые глаза на человека, бросившего такое странное для нее слово «любовник». Вторая фигура зашевелилась, пробуждаясь.

– А кто виноват, пап? Я? – все тем же безжизненным простуженным голосом ответил тот, кого называли Максом. – Или она? – он ткнул пальцем в девочку, которая задрожала еще сильнее. Третий присутствующий решил тоже принять участие. Он встал за спиной перепуганной девочки, положив ладони ей на плечи. Но она не приняла поддержку, шарахнулась в сторону.

– Что вы тут устраиваете, Эдвард? Моя сестра, и ваша жена отмучилась и все ее грехи упокоились вместе с ней. Имейте уважение. Хотя бы в этот день, – мужчина провел рукой по небритому подбородку, невольно задержавшись взглядом на дорогом кожаном плаще лощеного Эдварда Эванса, своего бывшего богатого родственника.

– Что ты знаешь об уважении, Степа? Ты, когда последний раз трезвый был? Не помнишь? – Эдвард с презрением смерил родственничка брезгливым взглядом, – Небось, и

любовничка сестры тоже ты споил и на тот свет отправил.

Двое мужчин, принадлежащих разным социальным слоям и странам, воинственно уставились друг на друга, готовые сцепиться.

Их остановила не совесть, не человеческая мораль и не уважение к усопшей, а девочка, внезапно потерявшая сознание.

Макс бросился к ней, упавшему, как сломанная кукла, ребенку. Из носа девчонки пошла кровь, смешиваясь с грязным снегом. Какое фееричное завершение безумного спектакля. Несостоявшаяся драка и голодный обморок.

Два бизнесмена из Англии, алкоголик и девочка сирота. Почти как в стихах. Ночь. Точнее, надвигающийся вечер. Улица. Фонарь. Аптека.

Макс отлично помнил расположение улиц. Спустил столько лет. И аптеку нашел сразу. Родители увезли его из Москвы двадцать лет назад. И он не собирался возвращаться, если бы не похороны матери, так и не сумевшей обрести себя в Лондоне. Она оставила семью и уехала обратно в Россию семь лет назад. А отец не последовал за ней, и сына не пустил.

Все просто. До банальности просто. Именно так рушатся семьи и умирают непрочитанными сочинения «о самом близком человеке».

– Мне нужно срочно вылетать в Лондон. Звонил Джей. Дела не терпят промедления. Горят несколько контрактов.

Необходимо мое личное присутствие, – расхаживая по номеру гостинцы со стаканом виски в руке, сообщил сыну Эдвард Эванс.

Макс сидел на кожаном диване. В пальто, не сняв ботинки. Глиняные грязные отпечатки остались на белом ковре. Темноволосая голова откинута назад, очерченные скулы напряжены, а взгляд темно—синих глаз витает где-то за пределами потолка.

– Черт, да посмотри ты на меня! Хватит, Макс. Ты все время залипаешь, когда нужно собраться и решить проблему.

– У меня умерла мать. Я имею право на скорбь, – пожал плечами Макс. – Что за сироту пригрела мама?

– Дочка Лехи Собинова. Это тот, который помер от рака полгода назад. Последний воздыхатель Сони. Она еще просила у нас перевод на похороны.

– София, пап. Зови ее София. Соня – чужое имя. Моя мать была Софией. И она была лучшей на Земле, – с грустной теплотой в голосе произнес Макс, – Почему дядя и эта девочка живут в квартире мамы?

– Откуда мне знать? – раздраженно спросил Эдвард, – Что за глупые вопросы? Ты хоть слышал, что я говорил? Я уезжаю завтра. Ты со мной? Или останешься до девятого дня?

– Я не могу остаться. Мне здесь холодно.

– Можно подумать, что в Лондоне сейчас теплее, – усмехнулся Эдвард. Две пары синих глаз встретились. Отец отвел взгляд первым, не выдержав напряжения.

– Тебе все равно, да? – спросил Максимилиан.

– Конечно, нет, – Выдохнул мужчина.

– Да. Поэтому она ушла. Ты не любил ее так, как она за-служивала.

– Ты не прав, мальчик.

– Мне двадцать шесть лет, отец. Я не мальчик. Даже не юноша. Я спал с женщинами, напивался в стельку, принимал наркотики, и даже участвовал в настоящей оргии, пока учился в Кембридже. Но я никогда не причинял боль своей матери. Это делал ты, потому что не умел лгать так, как умел это делать я. Для мамы я был ангелом, в то время, как все педагоги, которым повезло учить меня наукам, видели во мне исчадие ада. Почему ты, черт возьми, не притворился, что у тебя ничего не было с Элизабет Макгрив? Почему не солгал? Она бы поверила. Она всегда тебе верила.

– Ты слишком молод, чтобы понять, – Глаза Эдварда потухли, лицо осунулось. Он постарел на секунды на пару лет, – Я любил ее, Макс. Я с ума сходил. А она хотела домой. Всегда хотела домой. Словно забыла, каких трудов мне стоило увезти вас в Англию из закрытой страны. Но я не мог смотреть, как она страдает. Я дал Софии причину вернуться сюда и жить дальше, не жалея о том, что оставила меня. Иначе бы София не ушла. Я никогда не хотел Элизабет Макгив. Я сделал это, чтобы освободить твою мать.

– На кладбище ты говорил иначе.

– Потому что мне больно, Макс. До сих пор больно.

– Почему ни один из вас не подумал обо мне? О вашем общем сыне?

– Ты был уже взрослый. Девятнадцать лет. Поздновато для детской травмы. Ты учился, был занят собственной персоной, и казался абсолютно равнодушным к нашим проблемам.

Отец и сын сцепились взглядами. Одинаково-синими, глубокими, пронизательными. Максимилиан горько усмехнулся. Его губы плотно сжались. Что мог знать отец о том, что происходит в душе его сына? Разве есть границы возраста, за которыми ребенку больше не нужна мать?

– Ты прав. Извини, пап, – выдохнул парень.

– Забыли, – отвел взгляд Эдвард Эванс, – София была потрясающей женщиной. Если бы я мог тогда все бросить. Мы только начали развиваться, только получили первую прибыль. Мне нужно было думать о тебе, о твоём будущем. 90-е годы. Здесь творилось черт знает что. Да и сейчас.... Хотя уже скоро все может измениться. Если дела пойдут так и дальше, в плане расширения и прибыльности, я подумаю, чтобы открыть филиалы «ЗЭМСКомпани» в крупных городах бывшего СССР.

– Как ты можешь думать о бизнесе сейчас? – нахмурился Макс.

– В работе я нахожу забвение и лекарство от печальных мыслей. Если бы я был моложе, то последовал бы твоему примеру, и увлекся бы женщинами и выпивкой, но я уже

слишком стар для подобных подвигов.

– Только не нужно притворяться развалиной, пап, – скептически бросил Макс. – Я знаю, что у тебя случались интрижки после развода с мамой.

– Я все-таки мужчина, – Не стал отрицать Эдвард. Он серьезно посмотрел на сына, – Я должен кое-что сказать тебе, мальчик. Ты хорошо подумаешь, а потом примешь решение.

Эванс старший сделал большой глоток спиртного. Было заметно, что он взволнован.

– Что случилось, папа? – встревожился Макс. Он подался вперед, пристально глядя на отца.

– Эта девочка..., – начал Эдвард. – Ее зовут Анжелика. И София удочерила ее.... Когда вышла замуж за ее отца.

– Что? – выдохнул Макс, вскакивая на ноги. – Мама вышла замуж? И ты молчал?

– Я не знал до вчерашнего дня, пока нотариус не известил меня о завещании Софии.

– О каком завещании? Почему ты мне не сказал? – голос парня гневно звенел, он тяжело дышал, руки инстинктивно сжались в кулаки.

– Ты был в шоке, подавлен и разбит. Ты, как обычно, ушел в себя, отгородился от внешнего мира. Если бы я не спешил вернуться в Лондон, то сказал бы тебе позже, когда ты справишься с болью утраты. Но все обернулась не так, как я планировал. Решение стоит принять сейчас.

– Какое решение? О чем ты говоришь?

– Девочка – документально твоя сводная сестра, – проговорил Эдвард, тщательно подбирая слова. – Ты ее единственный родственник. Степа не в счет, он и о себе позаботиться не может. Нам нужно решить вопрос с будущим Анжелики. Останется она в России или поедет с нами.

Макс закрыл глаза, пытаясь справиться с накатывающей волной удушья. Его скулы напряглись, лицо побелело.

– Бросила сына и удочерила чужую девчонку, – прошептал парень сквозь стиснутые зубы. – Любила ее, вместо того, чтобы быть рядом со мной. И я должен заботиться об этой девочке. Почему?

– София так хотела. У меня есть ее письмо, адресованное тебе. Ты все поймешь, когда прочтешь его. Она очень страдала от разлуки с тобой, Макс. Анжелика наполнила ее жизнь смыслом.

– Ну, конечно, – с горечью бросил Макс, взъерошив волосы. Он смотрел на отца, как на сумасшедшего, который нес полнейший бред. – Мне не нужна сестра.

– Никто не заставляет тебя делать то, чего ты не хочешь, – Эдвард подошел ближе, положил руку на плечо Максимилиана. – Прочти письмо. Я уеду утром. А у тебя будет время подумать. В конце концов, мы можем просто обеспечить ее, устроить в хорошую школу-интернат для девочек, оплатить образование. Необязательно брать Анжелику в Лондон.

Он достал конверт из пиджака и протянул сыну.

– Ты смягчишься и простишь свою мать. Я знаю. ...

– Ты совсем меня не знаешь, пап. Существуют разные формы предательства. И я могу смириться со многими из них. Но предательство матери.... Нет. Я не смирюсь. Никогда. Что может быть хуже этого?

– *Предательство любимой женщины*, Макс. Нет преступлений, которые нельзя простить близкому человеку. Я простил ее. Смерть искупляет все грехи.

– Я не такой благородный, пап.

– Ты просто еще очень молод. Все пройдет. Поверь мне. Боль утихает. Рано или поздно. И мы просто продолжаем жить дальше.

– Оставь меня одного, пожалуйста, – холодно попросил Макс. Эдвард бросил на сына тяжелый взгляд. Максимилиан не понял его и не услышал. К одной свежей ране добавилась другая. И кто знает, которая из них болела больше.

– Я иду спать. Утром улетаю. Не вставай, чтобы проводить меня.

– Спокойной ночи, папа.

– Время лечит, мой мальчик. Я всегда буду рядом, чтобы поддержать тебя.

Максимилиан Эванс долго смотрел на прощальное письмо матери, когда отец ушел в свою спальню. Его Бог умер. И он похоронил его не утром на кладбище, а сейчас. Снова.

Макс не спал всю ночь, оплакивая свою боль, запивая вином свое прошлое и несчастливое детство.

Но он так и не прочел письмо.

Следующим утром, вопреки просьбе отца, Максимилиан проводил его в аэропорт. И за несколько минут до отлета, сообщил Эдварду о своем решении.

– Я прилечу в Лондон, как только улажу документальные хлопоты, – произнес он. В синих глазах молодого человека стояла арктическая стужа. – Не один.

– Ты уверен? – мягко спросил Эдвард Эванс.

– София хотела, чтобы я позаботился о той, кого она назвала дочерью. Я выполняю ее последнюю волю, – спокойно ответил Макс. И выражение его лица только на пару минут насторожило отца. Он улыбнулся сыну, пожав его руку.

– Я знал, что ты так и поступишь, – сказал он. – Я горжусь тобой. Это взрослое решение.

Глава 2

«Мы преисполнены нежности к тем, кому делаем добро, и страстно ненавидим тех, кому нанесли много обид».

Жан де Лабрюйер.

2008 г. Лондон.

– Что снова случилось, Энжи? – спросил Эдвард Эванс, выходя из кабинета директора колледжа. Девушка ждала его в коридоре, кусая губы. Нервным движением она убрала прядь темных волос со лба, потупила взгляд. Святая невинность, иначе не скажешь. Эдвард тяжело вздохнул. Если бы ее характер соответствовал внешности....

– Прости, дядя Эд, – прошептала она, сделав шаг навстречу, – Я плохо нахожу общий язык со сверстниками. Анжелика Собинова в колледже для золотых английских деток! Они ненавидят русских.

– Это не так, милая, – мягко обнимая девушку за хрупкие плечи, произнес Эдвард, – Ты должна быть добрее к людям. Нельзя все слова принимать буквально. Зачем ты ударила Нелли Браун?

– Она была груба, дядя Эд, – проговорила Анжелика, поднимая на мужчину огромные серые глаза.

– Драка не решит твоих проблем. Что было бы, позвони мистер Харрис не мне, а Максимилиану? Ты хочешь, чтобы он снова лишил тебя карманных денег?

– Нет, и поэтому в анкете указала твой номер. Ты всегда добр ко мне, дядя Эд.

– Эдвард, мы же договаривались. Ты уже взрослая, чтобы называть меня так, – тепло улыбнулся мужчина. – Обещай, что я в последний раз краснел за тебя.

– Да... Эдвард. Я обещаю, – белозубая искренняя улыбка преобразила личико девушки. И Эванс окончательно оттаял. Анжелика была славной девочкой, доброй и искренней, но слишком импульсивной. Лучик живого света среди замороженных лицемерных улыбок. Он теперь прекрасно понимал причины любви Софии к падчерице. И тоже не остался равнодушным к открытой и ранимой одинокой девочке. Чего нельзя сказать о Максимилиане. Да, он принял Анжелику в свой дом, он обеспечил ее всеми необходимыми удобствами, устроил в хорошую школу, а сейчас оплачивал дорогостоящую учебу в колледже, но так и не принял в свое сердце, не смог полюбить, как сестру. Макс относился к ней, как к обузе, навязанной последней просьбой матери, как к досадному недоразумению, капризному ребенку. И был чересчур предвзят, и порой откровенно несправедлив. Любая мелкая оплошность со стороны Анжелики наказывалась, как страшное преступление. Эдвард, как мог, сглаживал углы, но он не всегда был рядом. Сын и Анжелика жили в отдельном доме на соседней улице, и когда становилось невмоготу, Энжи прибегала к нему, чтобы выплакаться и поделиться обидой. А Макс злился еще сильнее, уже на обоих.

– Ты подумала, как хочешь отметить свой восемнадцатый день рождения? – выводя девушку на улицу, спросил Эдвард. Они сели в его машину, и он повез ее домой.

– Я не хочу ничего праздновать. У меня почти нет друзей, а Макс снова будет весь вечер ходить надутый, как индюк. Мы могли сходить с тобой в кафе, или просто поехать на пикник к озеру.

– Так не хорошо. Я говорил с сыном. Он намеревается снять ресторан, и позвать кучу народа. Не нужно снова огорчать его.

– Макс делает это не для меня, – покачала головой Энжи. Ее улыбка вышла вялой, вымученной. – Соберутся его гости и будут говорить о бизнесе, забыв о причине праздника.

– Ну и что. Зато я буду говорить только о тебе. Ты подаришь свой первый взрослый танец старику?

– Ты не старик, дядя Эд, – засмеялась Энжи.

– Но чувствую себя им, когда ты меня так называешь.

– Хорошо. Я забылась. Эдвард, я подарю тебе свой первый танец, – торжественно пообещала девушка.

– Подумай, кого еще ты хочешь видеть на своей вечеринке. Не верю, что у тебя совсем нет подружек.

– Разве что Мила Кравченко. Мы учимся на одном курсе. Ее отец украинец, но давно живет в Англии.

– А парни? – хитро прищурившись, спросил Эдвард. – Тебе, наверно, уже нравятся мальчики?

– Мальчики мне нравились в садике, – со смехом ответила

Энжи, – У Милы есть старший брат. Позову и его, пожалуй.

– Симпатичный?

– Да, – Кивнула девушка.

– Сколько ему лет?

– Двадцать три.

– Слишком взрослый.

– Я не собираюсь за него замуж, Эдвард.

– Это-то и пугает меня, малышка. Взрослые парни умеют... ну, как это сказать...

– Нет, Ник не такой.

– Ник?

– Никита. Его так зовут.

– Ну, конечно, Никита не такой, – многозначительно сказал Эдвард Эванс, – Будь осторожна, милая.

– Скажите это своему сыну, – нахмурилась Энжи. – У него каждую неделю новая подружка. И все, непременно, желают со мной подружиться. Некоторые даже называют сестренкой. Представляешь?

– Он в меня. Я тоже долго ...хм... вел свободный образ жизни. До встречи с Софией, разумеется.

– Ты ее очень любил? – печально спросила девушка. Лицо мужчины омрачилось воспоминаниями.

– Да, милая.

– Я тоже, Эдвард. Я очень любила Софию.

Максимилиан Эванс вышел из офиса в отличном настро-

ении. Ему удалось заключить сделку года, и он намеревался отметить успех со своей новой секретаршей. Старую он уволил за ужасный кофе, и постоянные опоздания. Хотя ему не нужны причины, чтобы уволить сотрудника. Он держал весь офис в постоянном напряжении и страхе. Среди коллег Максимилиан Эванс прослыл, как жесткий руководитель и самодур. Он мог выставить человека за малейшее прегрешение, без объяснений причин.

– Фрея, сегодня ты выбираешь заведение, – благодушно улыбнулся он своей белокурой длинноногой спутнице. Его взгляд задержался на лице девушки. Она похожа на предыдущую, с иронией заметил Макс. Они все неизменно похожи на предыдущую. Иногда он путал их имена.

– Я не хочу в ресторан, Макс, – удивила его красавица. Максимилиан приподнял бровь, вопросительно взглянув в безупречно накрашенное лицо.

– Красная игра, клубника и шампанское больше не привлекают Фрею Филипс? – иронично поинтересовался он.

– Все это можно организовать дома. Я хочу поехать к тебе. Хочу, чтобы мы остались одни.

– Это вряд ли получится, – пожал плечами Макс, скептически усмехаясь.

– Почему? – теперь девушка выглядела удивленной.

– Ты забыла, что я живу с сестрой?

– Дом большой, и мы спрячемся в твоей комнате. Как в прошлый раз.

– В прошлый раз, ты бросила меня утром, и отправилась пить кофе с Энжи. И выпытывала у нее мои секреты. – Напомнил Макс. Фрея изобразила смущение. Причем, весьма успешно.

– Но она не раскололась, и вела себя вызывающе.

– Она плохо воспитана, и к тому же не знает ни одного секрета обо мне. Мы мало общаемся, почти не видимся.

– Как это возможно? Вы живете вместе.

– Я живу в офисе, – невесело усмехнулся Макс. Фрея сочувственно коснулась его руки.

– Тебе нужно больше отдыхать, Макс. Кстати, ты пригласишь меня на день рождения сестры?

– Откуда ты знаешь про день рождения? – нахмурился Макс Эванс.

– Ты забыл, что я заказывала ресторан, цветы и ведущих? И подарок, кстати, тоже я покупала. Не хочешь знать, что ты подаришь Энжи?

– Мне все равно. До конца года я куплю ей квартирку, и освобожусь от ее вечно недовольной физиономии. Пусть сама живет, как заблагорассудится. Я свою миссию выполнил.

– Ты ее не очень-то любишь? – с ноткой недоумения спросила Фрея. Они остановились возле спортивного автомобиля Максимилиана.

– Есть причины, – сухо ответил Макс, открывая дверцу. – Садись.

– Едем к тебе? – кокетливо улыбнулась девушка. Он раз-

мышлял буквально пару секунд.

– Нет. Я хочу посмотреть, как живешь ты. Диктуй адрес.

Анжелика сняла наушники, бросила плеер на кровать, и, накинув на пижаму, шелковый халат, подошла к окну. Удивленно нахмурилась, заметив припаркованную у дома машину Макса. Взглянула на часы. Пятнадцать минут первого ночи. Она не слышала, как он приехал. С каждым днем Макс возвращался все позднее, а, если случалось вовремя, то он всегда был не один. Дом как будто тяготил его. Анжелика догадывалась, что дело в ней. Это ее Макс не хочет видеть. И, если раньше, он хотя бы делал вид, что выносит ее общество, то теперь стал просто невыносимым. Ей было обидно подобное отношение, потому что сама Анжелика не испытывала к нему неприязни. И она искренне пыталась наладить отношения, пропуская мимо ушей колкие замечания и бесконечные придирки. Но, видимо, его предубеждения сильнее и глубже, чем она могла представить. Что ж, осталось недолго. Через год она сможет перевестись в университет и уедет из этого дома. Навсегда. Подальше от Максимилиана Эванса, перевернувшего ее жизнь. Никогда больше не видеть холодной неприязни в его глазах, не слышать едких замечаний. И не пытаться делать вид, что ей не больно. Не улыбаться сквозь слезы. Да, так будет лучше. И они оба обретут свободу. И смогут стать счастливыми.

Печально вздохнув, Анжелика запахнула халат и вышла

из комнаты. В горле пересохло, и она спустилась в кухню, чтобы выпить сока. Щелкнув выключателем, она вздрогнула от неожиданности и испуга, услышав поток брани в свой адрес. Макс сидел за кухонным столом, на котором стояла бутылка виски и полупустой стакан.

– Какого черта ты шляешься полуголая среди ночи? Тебе не спиться? Или снова шпионишь за мной? – он поднял на нее покрасневшие глаза, лицо исказила гримаса недовольства.

– Я просто захотела попить. Я не думала, что ты здесь. Свет не горел, – заплетающимся языком начала оправдываться Анжелика.

– Ты должна спать в такое время. Я могу хотя бы час посидеть в собственном доме в одиночестве? – яростно спросил он.

– Ты пьян, и вымещаешь на мне свою злость, – взяв себя в руки, спокойно ответила девушка.

– Я не был зол, пока ты не явилась. Пей и уходи.

– У тебя что-то случилось, Макс? Проблемы на работе? – стараясь быть вежливой, спросила Анжелика. Он грубо рассмеялся.

– А тебе не наплевать, сестренка? – ядовитым тоном спросил он, выплевывая слова.

– Нет. Мне не наплевать, – тихо ответила девушка. – Я не хочу ругаться. Нет повода.

– Ты так считаешь? – он скользнул по ней изучающим

взглядом. – Тихоня, мать твою. Как мне надоели твои фальшивые улыбочки. Я раздражаю тебя не меньше, чем ты меня. Не надо притворяться. Ты только усугубляешь и без того непростые отношения.

– Ты делаешь их такими. Не я, – возразила Анжелика, обхватив себя руками, защищаясь от жестоких пьяных глаз. – И ты не раздражаешь меня, Макс. Можешь, сколько угодно презирать меня, выливать свою злобу и яд, но я никогда не забуду, как много ты сделал для меня. Не думаю, что дома меня ждало бы другое отношение, а если прибавить еще и нищету, то ты мой спаситель. А руку дарящего не осуждают.

– Боже, как она заговорила. Святая невинность, ангел во плоти! – усмехнулся Макс, но раздражение постепенно отпускало его. И Энжи уже знала, что так и будет. Максимилиан вспыхивал бурно и непредсказуемо, и быстро остывал. За его гневом и агрессией скрывалась боль, и, проведя с ним под одной крышей четыре года, она научилась понимать отдельные черты характера Макса. Они были с ним похожи в этом. Ярость – не лучший помощник в борьбе с болью и одиночеством, но отличная ширма для тех, кто не хочет делиться.

– Сядь, – рявкнул он, и, схватив за запястье, с силой посадил рядом с собой. Подвинул пустой стакан и плеснул виски. – Пей.

– Мне завтра в колледж, – попыталась отказаться Анжелика. Он остановил на ней свой тяжелый взгляд. И она взяла

стакан, сделала маленький глоток, закашлялась.

– Соплячка, – усмехнулся он, сунув ей в руку кружок лимона. – Закуси, а то упадешь. Тебе пора взрослеть. Хватит безвылазно сидеть за учебниками. Заведи парня, ходи на свидания, совершай глупости. Приходи домой пьяная в блузке на левую сторону. А то мне как-то тошно от собственной испорченности.

Анжелика изумленно уставилась на Макса, чуть не подавившись лимоном.

– Ты здорово перебрал, наверно, – придя в себя от шока, произнесла она. – В последний раз, когда я пришла после десяти, ты устроил мне взбучку на глазах своей очередной девицы, а потом посадил под домашний арест на целый месяц.

– Тебе было шестнадцать, — пожал плечами Макс. – Сейчас ты почти совершеннолетняя, а через три дня я официально освобождаю тебя от своей опеки. Делай, что хочешь.

– Все-все? – уточнила она, все еще не веря своим ушам. Он кивнул, осушив свой стакан.

– Значит, ты не будешь против, если я приглашу на день рождения своего парня? – спросила Анжелика. Он уставился на нее неподвижным непроницаемым взглядом.

– Кто он? – равнодушно спросил Макс.

– Брат моей подруги Милы. Ты видел ее недавно. Она заходила ко мне за книгой, – пояснила девушка.

– И как далеко вы зашли? – еще один вопрос, заданный с непроницаемым выражением лица.

Энжи опешила, открыв в изумлении рот, но не сразу нашлась с ответом.

– Какое это имеет значение?

– Я задал вопрос. Ответь, пожалуйста, – с ледяным спокойствием произнес Макс.

– Тебя не касаются мои отношения с Никитой.

– Я – твой опекун, – напомнил Макс, словно я могла забыть об этой немаловажной детали.

– Ты только что сказал...

– Три дня. Еще три чертовых дня. А сейчас отвечай, – закричал на нее Эванс. Да, что за бес в него вселился? Анжелика сжалась под его яростным взглядом. – Или я выкину тебя из дома, в чем мать родила.

Девушка вскочила на ноги, но Макс опередил ее, грубо схватил, собрав в пригоршню ткань ее халата на груди.

– Сидеть, когда я с тобой разговариваю.

– Я тебе не домашнее животное. Меня нельзя выкинуть, нельзя обращаться, как с собакой, нельзя вести себя, как грубая скотина. Я не сделала ничего плохого.

– Ты назвала меня скотиной? – изумленно произнес он, глядя в заблестевшие от обиженных слез глаза. Потом расхохотался, резко разжав пальцы. Девушка чуть не упала. Только остатки гордости помогли ей устоять на ногах.

– Иди спать, – неожиданно погасшим тоном сказал Макс.

Он отвернулся от Анжелики, отмахнулся, словно от назойливой мухи, не чувствуя ни малейшей вины за то, что

обидел ее без причины. В порядке вещей... Лика какое-то время еще стояла на пороге кухни, как будто надеясь на что-то. Всплеск человечности или позднее раскаянье, или просто один виноватый взгляд. Но нет. Макс просто пил свой виски, демонстративно повернувшись к ней спиной. Неужели он никогда не успокоится?

– Значит, он разрешил? – Никита Кравченко притормозил у ворот дома Эвансов и, повернувшись всем корпусом, изучающе посмотрел на девушку, которая сидела слева от него.

– Да, – без особого оптимизма ответила Анжелика.

Она отвела взгляд, не выдержав пристальной атаки молодого человека. Ник заметил, что сегодня его подруга выглядела подавленной и грустной, лицо бледное, под глазами тени. В такие моменты он всем сердцем желал надрать задницу ее братцу, или кем он там ей приходится. Если Лика плакала и выглядела вот так, как сейчас, причина обычно была одна. Максимилиан Эванс. Смазливый баловень судьбы. Гаденыш. Он выбрал Анжелику объектом для своих бесконечных издевок.

– Опять устроил взбучку? – мягко взяв руку девушки, спросил Никита. – Что на этот раз? Неужели из-за меня?

– Не придумывай. Максу не нужна причина, чтобы очередной раз унижить меня. Я совсем его не понимаю, – покачала головой девушка. Ник откинулся на спинку сиденья, глядя перед собой, руки нервно легли на руль.

– Меня бесит, что я не могу вмешаться, – с раздражением признается Никита. – Лик, ты не можешь и дальше терпеть его нападки.

– Он оплачивает мое обучение, кормит и одевает меня. Я зависима от Макса полностью, – тихо отозвалась Анжелика. Она посмотрела на напряженный профиль своего темноволосого друга.

Заботиться о ней....Переживает... Хочет защитить... Может быть, влюблен.... Какие непривычные чувства и отношения. Она не умела так, была не готова. С тех пор, как умерла единственная мать, которую она знала и любила, мир не был к ней благодушен и доброжелателен. Люди жестоки к таким, как она. Пользуются беспомощностью слабого, упиваются его болью и своей властью. *Она не помнила, когда научилась любить людей.* Два или три года назад, после очередного перевода в новую школу. Русская девочка с холодными серыми глазами и черными прямыми волосами, бледная и худая, немногословная, прилежная, плохо владеющая английским языком, везде была не ко двору в городе туманов и бессердечных снобов. Все знали, что она сиротка, живущая на обеспечении преуспевающего молодого бизнесмена. Бедная родственница из России. Обуза. Печальная слава шла за ней, куда бы она ни переводилась, словно кто-то специально распускал слухи еще до того, как преподаватель называл ее имя. И ни один человек, кроме Эдварда Эванса не проявлял к ней сочувствия и понимания. Уже в колледже,

полгода назад, девушка познакомилась с украинкой Милой Кравченко, а та свела ее со своим братом. И все чудесным образом изменилось. Анжелика почувствовала, что начинает жить, ее сердце пело от радости, ей хотелось снова улыбаться серому дождливому городу, и его холодным обитателям. Она шла навстречу новому дню, не ощущая больше пустоты и одиночества.

Быть одной.... Это невыносимо в семнадцать лет. Невыносимо – в любом возрасте. В огромном мире, большом городе, и в собственном доме не иметь никого, кто сказал бы вечером «Как прошел твой день?», «Спокойной ночи», или «Хочешь, завтра вместе посмотрим телевизор?». Такая мелочь, банальность, для кого-то ежедневная рутина. «Доброе утро». «Хорошо выглядишь». Будничные ничего не значащие слова. А для Анжелики они могли стать праздником, но не стали. Эдвард, конечно, был мягче и добрее своего сына, но иногда его покровительство обходилось ей боком. Макс наказывал ее еще и за привязанность отца.

– Ты поступишь в университет, получишь стипендию, и сможешь освободиться от Эвансов. Переедешь в общежитие, и забудешь о Максе, как о страшном сне, – Ник снова взял руку Анжелики, потянул к себе и обнял за хрупкие плечи.

– Ты не понимаешь... – горько улыбнулась девушка, глядя в голубые глаза молодого человека. – Все гораздо сложнее. Я обязана Максу всем, что имею. И мне никогда не распла-

титься с ним. И даже осуждая его, я испытываю стыд. Мне ли жаловаться на Эвансов. Я вряд ли смогу получить стипендию, а без нее мое обучение снова будет оплачивать Макс. Он хочет купить мне квартиру, в течение года. Сроки уточнять неудобно, сам понимаешь, а до этого я буду жить в его доме, до того, как получу очередную подачку. Я, как нищенка на попечении принца. Все, что у меня есть – это милостыня, которую мне дает Макс. А он вовсе не обязан это делать. Никто бы не заставил его, на самом деле. Меня просто отдали бы в интернат, или, хуже, оставили бы с дядей Степаном. Ты не знаешь, как я жила. Представить не можешь. Мама лежала в больнице три месяца. Три долгих месяца наедине с ее вечно пьяным братом и его друзьями. Я убегала из дома, и сидела на ступенях больницы, если та закрывалась для посетителей. Я ночевала по подругам, а потом дядя бил меня за это. Я больше всего боялась остаться с ним после смерти мамы. Но приехал Макс и спас меня. Из двух зол выбирают лучшее. По сравнению со Степой, Максим Эванс – пусть не ангел, но на лучшее, что могло случиться в моей ситуации.

– Лика, милая, я и не знал, как тебе досталось, – с нежностью и сочувствием прошептал Никита, прижимаясь теплыми губами к ее виску. И Анжелика вздрогнула от неожиданности, но не отпрянула. Как давно никто не прикасался к ней так. Последней была мама. Мама Максима Эванса, и именно этого он не мог простить Анжелике. Его мать целовала, любила, заботилась о чужой девочке... не о нем.

Но что он мог знать об отношениях Софии и ее падчерицы? О той связи, духовной и эмоциональной, появившейся в первую встречу. Анжелика догадывалась, что София вышла за ее отца, потому что полюбила его дочь. Не его самого. Сердце женщины всегда принадлежало тому, кого она оставила в Лондоне, в чужой ей стране, которую София так и не смогла назвать домом. Но она никогда, никогда не говорила о своем сыне. Словно воспоминания о нем были для нее мучительными и тяжелыми.

– Но ты не должна чувствовать себя нищенкой. Это не так, – возразил Никита, приподняв ее лицо за подбородок. – Ты удивительный, хороший человек, светлый и радостный, несмотря ни на что. Уверен, что и твой придурок братец видит это, и завидует. Он – очередная богатая пустышка, машина для производства денег. Он питается твоими эмоциями, потому что сам на них не способен.

– Это не так, – отрицательно качнула головой Анжелика. В глазах появилось странное выражение. – Извини, мне пора. Нужно подготовиться к докладу по истории.

– Ты всегда его защищаешь, – осуждающе бросил Ник, помогая девушке отстегнуть ремень безопасности.

– И буду защищать, – твёрдо заявила Лика.

– Даже у благодарности есть пределы. Что, если однажды Макс запросит слишком высокую цену за свою щедрость?

– Я заплачу ее, – сказала Анжелика, не раздумывая. Парень изумленно уставился на нее.

– У тебя психологическая зависимость, Лика. Это лечится, – сухо сообщил Ник, – Ничего, в следующем месяце мне обещали повышение. Я заберу тебя у этого садиста. И ты станешь моей заботой. Я все для тебя сделаю, и никогда ты не будешь больше плакать.

– Это мечты, Ник, – девушка нежно дотронулась до его щеки. – Но вся прелесть иллюзий в том, что они дают нам силы жить дальше. Дарят надежду на лучший день... когда-нибудь, однажды, в будущем. У нас есть шанс, если нам его даст Макс. Ты должен понравиться ему на вечеринке. Будь осторожен, он любит разные подлые маневры и коварные стратегии.

Никита улыбнулся и поцеловал девушку в губы.

– Помнишь, что ты мне обещала в день своего восемнадцатилетия? – лукавые искры разгорелись в глазах парня, он крепче обнял девушку, нежно поглаживая по спине. Она тихо рассмеялась, осторожно отстраняясь. Маленький пальчик лег на его губы.

– Мне все еще семнадцать, Ник. Не торопи события, – прошептала она, – Я не уверена, что уже готова к серьезным отношениям.

– Мы встречаемся почти два месяца, – напомнил парень с очаровательной улыбкой. Сердце девушки ухнуло куда-то в пятки. Никита Кравченко, красивый, высокий спортивный молодой человек, из благополучной семьи, подающий блестящие надежды. Взрослый, неглупый, с чувством юмора, на

хорошем счету в крупной торговой компании, где уже год работает ведущим специалистом по продажам. Ник нравился женщинам, и Анжелика прекрасно знала об этом, замечала заинтересованные взгляды на нем, враждебные – на себе. Но он выбрал ее. Она не знала за что, но он выбрал.

– Самые лучшие два месяца в моей жизни, – широкая ласковая улыбка озарила лицо Анжелики, преобразив его. Искренняя, неподкупная улыбка, идущая от сердца. Серые глаза потеплели, расплавились от переполняющей ее нежности. Он не мог оторвать взгляда, когда она улыбалась подобным образом. Сложно передать словами, что творилось с его сердцем в этот момент. Он смотрел в серебряные глаза Анжелики, и, казалось, в их прозрачной глубине видел свою душу. *Если это не любовь, то ему стоит бояться... полюбить ее однажды.* Рядом с ней он чувствовал себя другим. Взрослым и мудрым, сильным, интересным, значимым. И представить не мог, что кто-то способен обидеть ее. Все внутри него восставало против подобной несправедливости. Чистая светлая девушка, не испорченная тяжелыми воспоминаниями и пережитыми испытаниями. Прочинить ей боль, все равно, что ударить ребенка. Кошунственно и подло. Больше всего Ник хотел защищать ее, заботиться о ней, быть самым близким и родным человеком. Такое случилось с ним впервые. Раньше женщины вызывали в нем лишь определенные инстинкты, и он забывал их, как только наступало отрезвление. И временами ловил себя на мысли, что готов ждать

сколько угодно. И даже мечтал о первой брачной ночи. По-настоящему первой. Без репетиций и проб. Хотел быть единственным. Навсегда. Целовать по утрам прозрачную кожу, шевелить дыханием длинные ресницы, вдыхать цитрусовый аромат шелковистых волос, любоваться детской, немного наивной и чуть-чуть испуганной улыбкой. Влюбился, как мальчишка, в девчонку, которая была младше его на шесть лет.

– Я буду носить тебя на руках, – пообещал он, снова целуя ее в сладкие губы, – Пока руки не отвалятся.

– Чудак-человек, – засмеялась Анжелика, отстраняясь первой. – Мне пора. Но... я совсем не хочу домой.

– Если будет плохо, звони. Лик, я серьезно. Можешь на меня рассчитывать. Я заберу тебя к себе. Мои родители замечательные, они все поймут, – Никита нежно сжал ее руки. – Береги себя.

– Спасибо. Ты не представляешь, как много значат для меня твои слова, – смахивая набежавшие слезы, шепнула девушка, – Увидимся завтра. Встретишь меня после занятий?

– Конечно. Я позвоню тебе вечером, чтобы пожелать хороших снов.

– Я буду ждать, – снова легкая неуловимая улыбка тронула губы Анжелики.

Она с огромным трудом заставила себя оторваться от Никиты, от его теплых глаз и ласковых рук.

Вышла из машины. Оглядываясь, пошла к воротам, щелкнула пультом, снова обернулась, помахала рукой Нику, про-

вожающему ее взглядом. Застыла в раскрывшейся пасти высокого забора, вздохнула, заставила себя улыбнуться, чувствуя, как замедляется дыхание. Тук-тук сердце. В ушах звон. Последний уголек погас в остывающей душе. Никита повернул ключ зажигания. Десять секунд, и он уедет. Она возвращалась в ледяной замок, где снова ее сердце покроется инеем, и несколько часов весны скроются за снежными тучами.

Анжелика с тоской смотрела вслед синему Порше Никиты. Вздохнула. Грустно. Пошла вперед. Медленно. Пряча руки в карманы легкой курточки.

Май. Прохладно. Ветрено и дождливо. Как всегда.

Посмотрела на внешне очаровательный уютный дом с венецианскими окнами и ставнями. Внутри он был еще красивее, чем снаружи. Высокие потолки, лепные каминны, современная техника, спрятанная в стенах, тщательно подобранные мелочи, которые придавали каждой комнате из пяти свое настроение. Дизайнеры продумали интерьер до мелочей. Классика и минимализм. Золотистые, бежевые, кремовые тона. Просторный, светлый дом, но Анжелика мерзла в нем, даже, покачиваясь в кресле, перед пылающим камином. И ей не нравился ни этот дом, ни сам район на западе Лондона. Конечно, в Педдингтоне были свои плюсы. Современный и деловой район, Максимилиану подходило это место – динамичное, пребывающее в бесконечном движении. Он с энтузиазмом вливался в струю молодых и уверенных,

мчался за новыми идеями, работал, не покладая рук, а вечером становился частью толпы, спешил все успеть в погоне за развлечениями. ... Анжелика не признавала подобный темп жизни, не успевала за ним, предпочитая тихий отдых в Гайд-Парке, или за книгой в самой уютной и заброшенной гостиной дома, где располагалась большая библиотека, проданная Максу вместе с особняком. Вряд ли он мог оценить, какое сокровище ему досталось. Вряд ли он прочел хотя бы одну
....

Анжелика миновала пробуждающийся весенний сад, давно требующий внимания садовника, и грозящий перекрыть дорогу к запасному крыльцу. Она не любила заходить через центральный вход. Холл, ведущий к лестницам на второй ярус, где находилась спальня, проходил через главную гостиную, а она редко бывала необитаема. Чаше по вечерам. Но и днем Макс мог явиться на обеденный перерыв, скорее, сон. *Не один.* Спальня Анжелики находилась на третьем этаже. Раньше там был чердак. Это она попросила Макса сделать для нее комнату. Они оба понимали ее мотивы. Он даже спорить не стал. Их нежелание встречаться в доме, площадью полкилометра, было взаимным.

Вход со стороны сада начинался с небольшого коридорчика, переходящего в террасу с видом на яблони, и малую гостиную, где располагалась, так называемая, тихая зона. Из обстановки: кожаный бежевый диван с мягкими, плюшевыми подушками, четыре кресла, стеклянный стол и видеоси-

стема с хорошим звуком, огромным экраном во всю стену, и другими достижениями современной техники, в разработке которых участвовал сам хозяин дома. И неотъемлемая часть всех гостиных – изысканный минибар, с напитками на любой вкус и гирляндой хрустальных бокалов, свисающих с подставки вниз головой. Камин, украшенный лепниной. Фотографии в рамках. Природа и лошади. Ни одного лица. Ни одной фотографии матери. Ничего личного. Ни единой детали, которая могла что-то рассказать о хозяине дома. Хорошая работа дизайнеров, и пустота, неодушевленность, холод в каждом углу, словно дом снова готовится к продаже. Они оба были гостями здесь. На время....

Она знала. Почему-то точно знала. Шестое чувство или интуиция. Не столь важно. Никто из них не останется в этом доме навсегда, не создаст семьи, не раскидает детские игрушки по дорогим полам со сложной системой обогрева. Не будет встречать гостей на пороге, улыбаясь и держась за руки. Они несчастливы здесь. Одиноки. Каждый по-своему.

Лица улыбнулась потоку своих мыслей. Наверно, ей стоит начать вести дневник. Нужно учиться группировать тот хаос, который творится в голове.

Закрыла за собой дверь, скинула туфли с налипшей на подошву земли. Убрала в шкаф курточку. Снова задумалась, запустив пальцы в темную растрепанную «греческую» косу, расплетая, освобождая тяжелые непокорные локоны. Прислонилась плечом к двери гардероба. Закрыла глаза. Устала.

Четыре пары. Восемь часов лекций. Она ничего не ела сегодня. Не могла себя заставить.

– Привет, – Произнес голос, который Анжелика желала слышать меньше всего. Дрянной день. Особенно с того момента, как уехал Ник.

Подняла напряженный взгляд, стараясь выглядеть спокойной, собранной, а не такой умирающей развалиной. Не вышло.

Он вышел из малой гостиной. Высокий, подтянутый, симпатичный, стильный, даже дома одевался, как будто ждал гостей. Смотрел фильм? Инстинктивно взгляд двинулся к часам на стене. Половина восьмого. Рано вернулся. Ночная попойка дала о себе знать?

– Привет, – кивнула она, чувствуя нарастающую тревогу. Ее пугал его взгляд без выражения. Как манекен в витрине бутика. Настоящие волосы, красивая одежда, но стеклянные глаза. Застывшая поза. Похоже на Максимилиана Эванса. Часто она ловила себя на мысли, что, возможно, он болен одним из душевных расстройств. Слишком часто, чтобы поверить в это. У Макса Эванса существовал выключатель, как у небезызвестного Электроника. Никто не знал, где он находится. Но когда чья-то невидимая рука нажимала кнопку, Макс просто застыл. На десять минут, час, три часа. Глядя в одну точку, не меняя позы. И Анжелика была уверена, что в эти долгие минуты выхода из реального мира, он не думает ни о чем, словно умирает, покидая пределы этого измерения.

Зато сразу после маленькой смерти наступал взрыв энергии, который длился дни, недели и месяцы. Богатая фантазия девушки рисовала самые жуткие картины. Вплоть до контроля над его мозгом инопланетными паразитами. Подзарядка батареек, смена запчастей, перезагрузка. Может, он и не человек вовсе. Так, экспериментальная машина, выпущенная его же компанией. Она любила сочинять истории. Так веселее жить.

– Не думал, что в колледже занятия заканчиваются так поздно, – подпирая плечом на стену, и, скрестив на груди руки, опасно-спокойным тоном спросил Макс. Его глаза начали медленное путешествие по ней. До отвращения детальное. Что он пытался разглядеть?

– Я гуляла с подружкой, – соврала Анжелика, не зная зачем. Он понял. Она догадалась по насмешливому выражению его глаз. Сегодня Макс не хотел войны. Мы все иногда устаем и жаждем мира.

– Выглядишь неважно, – заметил Макс, взгляд вернулся к начальной точке – ее лицу. – Круги под глазами. Плакала всю ночь?

– Нет, – слишком энергично потрянула головой. Белые точки поплыли перед глазами. Сахар упал. Нужно что-то съесть.

– Плакала, – утвердительно кивнул он. – Я слышал. Как маленькая.

– Ты не мог слышать на кухне, как я плакала на третьем этаже, – нахмурила тонкие брови Анжелика. Макс криво

усмехнулся, оторвался от стены.

– Я слышал, – настойчиво повторил он, глядя в стальные глаза. – Знаешь, почему у тебя проблемы в школе?

– Я учусь в колледже.

– Неважно.

– И почему?

– Из-за твоих глаз.

– Что с ними не так?

– Слишком светлые, как у инопланетянки. У меня мурашки по спине бегут, когда ты на меня смотришь. Иногда я не могу уснуть, когда слышу твои шаги на чердаке.

– В моей комнате, – поправила Анжелика.

– Неважно. Я боюсь, что ты спустишься и убьешь меня, пока я сплю. Ты способна. Тихая маленькая девочка, которую отчислили из трех школ за драки.

– Я ничего не делаю без веской причины.

– Я знаю, – он прищурил глаза, сканируя ее взглядом. Шагнул вперед, безжалостно вторгаясь в личное пространство девушки. Она оцепенела, задержала дыхание. – Я дал тебе огромный список причин.

– Что ты хочешь сказать?

– Я был не прав вчера.

– Странное извинение.

– Я не извиняюсь, а признаю очевидный факт. Не подходи ко мне, когда я пьян. Просто... Просто прислушайся к моему совету.

– Ты часто бываешь пьян, – девушка пожала плечами. Макс криво улыбнулся.

– Почему твоя подружка не зашла? Посмотрели бы вместе фильм, – Резкая смена темы. Он не любил говорить о своих недостатках.

– Мне нужно готовиться к докладу по истории, – пояснила Лика. Почти, правда.

– Тебе стоит найти подружку помладше, – холодно улыбнулся Макс, снова занимая исходную позицию. Покидая ее территорию. Можно дышать... – Взрослые подружки не научат хорошему.

Как ему удастся все видеть и знать? Анжелика пожала плечами, отводя в сторону глаза. Проиграла. Попалась на вранье.

– Ты разрешил мне вчера, – нелепое оправдание.

– Ты не ответила мне вчера.

– Мы просто друзья.

– Из-за друзей не размазывается помада, Энжи, – скептический взгляд, спокойный голос. – Я не страж тебе. Но мне не нужны неприятности.

– Я способна сама нести ответственность за свои поступки.

– Поэтому отец вчера снова уговаривал ректора не отчислять тебя за очередную потасовку?

– Откуда ты знаешь?

– Звоню в колледж, чтобы узнать, как обстоят дела у мо-

ей подопечной, – Насмешливая улыбка, – Тебя ругают чаще, чем хвалят. Что на этот раз? Чем не угодила тебе Нелли Бран-ун?

– Это важно? – пожала плечами Анжелика, закусив губу.

– Нет. Просто пытаюсь понять, что за человек живет со мной под одной крышей, – Пояснил Макс. Когда он живой, у него красивые глаза. Синие-синие. И ресницы длинные, как у девушки.

– Этот человек – я, Макс. Ты можешь спать спокойно. Я не собираюсь тебя убивать, – Она неловко улыбнулась, – Ты все еще обеспечиваешь меня.

– Стоит урезать твои расходы, чтобы понять, как далеко ты можешь зайти.

– Я могу устроиться на работу.

– А институт?

– Вечернее или заочное отделение. Я справлюсь. Могу выйти замуж, в конце концов.

– За подружку? – усмехнулся Макс. – Познакомь меня с ним.

– Он будет на моем дне рождения.

– Я купил тебе платье. Оно в твоей комнате, – снова резкий переход с темы на тему.

Анжелика изумленно уставилась на него. Он никогда не покупал ей вещей, не делал подарков. Раз в месяц пополнял счет на кредитке. И этим все ограничивалось.

– Зачем?

– Не люблю женских слез.

– Думаешь, платье поможет их высушить? – в ее глазах мелькнула неприкрытая боль.

– А что поможет?

– Ты. Мы могли бы стать друзьями.

– Я плохой друг. И поздновато для перемен. К тому же у тебя уже есть подруга.

– Тебя раздражает, что я больше не сижу дома в полном одиночестве?

– Да. Хотя вчера утверждал обратное. Забудь все, что я говорил вчера, – Произнес Макс. Спокойно, уверенно. Он не видел смысла лгать ей. Врут любовникам и женам, лгут отцам и матерям... близким людям, чтобы пощадить их чувства. Показаться лучше, чем есть на самом деле. – Я справляюсь с раздражением. Видишь, даже признал, что был не прав. Заключим перемирие, Энжи. Не дружба, но что-то вроде партнерства. Ты как?

– Мы это проходили, – сухо напомнила девушка.

Пауза молчания, короткая вспышка одинаковых воспоминаний. Она права. Они пытались. Первый раз, когда Анжелика только приехала в Лондон. Несколько месяцев Макс был почти добр с ней. Промежутками. И чем дальше, тем короче были промежутки. Но так уж вышло. Она ходила белыми, а он всегда – черными. Бесконечная партия. Шах и мат. Макс привык выигрывать.

– Если передумаешь, я готова стать тебе другом, – Сказала

она. Он склонил голову на бок. Темная прядь упала на лоб, высокие скулы заострились.

– Увы, я уже высказал свое мнение на этот счет.

– Когда-нибудь тебе надоест злиться. И ты простишь ее. Простишь нас обеих. Я не могу вернуть тебе то, что задолжала, – Сказав это, Анжелика намеренно ступила на опасную почву. Они не говорили о Софии много лет. Он не позволял. Как же сильно, он любил свою мать. Невозможно представить. Но разве тем, кого любишь, не прощаешь все? Все, что может выдержать сердце?

– Я найду способ заставить тебя вернуть, – мрачно пообещал Макс. Девушка поежилась. Она не сомневалась в искренности его слов.

– Ты не справедлив, – С чувством возразила Анжелика, – Ты не один. У тебя есть любящий отец, этот дом, собственный бизнес, и я в качестве груши для битья. Разве мало?

– Я не жалею, – покачал головой Макс Эванс, – Груша для битья. Мне нравится, как ты это сказала. Твоя ненависть придает мне сил, Энжи. Я люблю настоящие, живые эмоции.

– У меня нет к тебе ни грамма ненависти, – устало улыбнулась девушка. Этот странный разговор, плавающий из одной крайности в другую, внушал ей ощущение неминуемой опасности. Макс затеял какую-то новую игру. Она пыталась понять правила, но ничего не получалось, – Я даже по-своему привязана к тебе. Моя подружка сказала, что у меня психологическая зависимость.

– Синдром жертвы? – его губы тронула улыбка. Искренняя. Жестокая. Ему снова понравилось то, что он услышал. Неужели он хотел именно этого? – Будешь скучать по своему надсмотрщику, когда обретишь свободу?

Вопрос застал ее врасплох. Она моргнула, ища подходящий ответ. Он уже был готов в ее сердце, но она не была готова озвучить его. Правда только обозлит Максимилиана Эванса.

– Можно, я пойду к себе? Примерю платье.

– Ты оденешь его на свой праздник, – приказ, а не пожелание. Девушка взглянула на него, точно для себя решив, что не оденет. Только не в ее день.

– Место проведения не изменилось? – на всякий случай уточнила Анжелика.

– Нет. Ресторан в отеле «Novotel». Можешь, раздать приглашения своим друзьям.

– Можно было устроить прием в саду. Зачем такие расходы?

– Меня можно обвинить в чем угодно, только не в скупости.

– Это так, – согласилась девушка. – Мне не хочется обременять тебя.

– Вечер обещает быть забавным, – многозначительно улыбнулся Макс. – Ты запомнишь его надолго, дорогая сестренка. И дорогая – отнюдь не ласковое прилагательное.

Анжелики ощутила неприятный осадок внутри. Туман-

ные зловещие намеки, смутные обещания. Она не ошиблась. Макс готовил очередную пакость. Нужно быть готовой ко всему.

– Спокойной ночи, Максим. Сегодня, я больше не спущусь.

– И даже ужинать не будешь?

– Аппетит пропал, – хмуро бросила она. Макс широко улыбнулся.

– Радужных тебе снов, Энжи.

Глава 3

«Мой мир – это маленький островок боли, плавающий в океане равнодушия.»

З.Фрейд.

А платье оказалось очень красивым. Если не сказать, волшебным. Эксклюзивная модель. Безумно дорого, в меру откровенно и элегантно. Кремово-розоватый шелк, расшитый серебряными нитями. Под цвет ее глаз. Макс снял этикетки, но Лика сразу узнала работу Веры Вонг. Ее свадебные платья известны на весь мир, и Лика одна из поклонниц таланта именитого модельера. Подол в пол, красивый глубокий вырез на спине, обнаженные руки. Село идеально, мгновенно превратив Анжелику в воздушную фею. Так не похоже на приевшиеся платья для выпускниц и подружек невесты. Анжелика с сожалением взглянула на свое отражение. Жаль, что она не сможет его надеть. Нужно держать обещания, данные самой себе. Самодисциплина важна, необходима. Чтобы не затеял Эванс, она не позволит ему испортить свой день рождения. Пусть подавиться своей злобой. А мог бы любоваться....

В последний раз скользнув руками по нежной поверхности ткани, струящейся по телу, девушка уверенно сняла шикарный наряд, и отправилась в душ. Завтра они пойдут с Милой по магазинам и купят другое платье, пусть не такое кра-

сивое и изысканное, но она выберет его сама. А еще туфли, сумочку и красивое белье.

Никита позвонил, как и обещал. Они проболтали не меньше часа, и могли бы говорить всю ночь, если бы не доклад по истории. Настроение резко скакнуло вверх. И пожелание добрых снов от Ника Кравченко бальзамом легло на юное, взволнованное его вниманием и участием сердце девушки.

Эдвард Эванс без стука вошел в просторный светлый конференц-зал. Как обычно, в это время шло собрание во главе с его сыном. Эдвард редко присутствовал, как и другие учредители, он руководил другим центром ответственности и проводил собственные конференции, но не упускал возможности нагрянуть с неожиданным визитом.

Макс изучал очередной отчет в присутствии руководителей подразделений. Обсуждался план продаж на текущий период. Шумно. Энергично. Коллективно. Заметив появление основного держателя акций холдинга, коллеги выстроились по стойке смирно, разом поприветствовав Эдварда Эванса.

– Как успехи?

– Прирост прибыли за прошлый месяц превысил плановые показатели на двенадцать процентов, – радостно сообщила Джина Дуглас, руководитель отдела планирования. Красивая холеная блондинка в костюме от Прада. Ноги от ушей и мозги на месте. Макс умел выбирать толковых людей, готовых работать в команде и терпеть его дрянной характер.

– А затраты, наоборот, удалось сократить на три процента в связи с заключением выгодного контракта с новым поставщиком, – сообщила Аманда Томас, начальник отдела снабжения. Еще одна блондинка, чуть постарше, но тоже хороша, и не глупа. Закончила Гарвард год назад.

– Кто постарался? – налюбовавшись смазливymi сотрудниками компании, спросил Эдвард.

– Все вместе, – сухо ответил Макс, выходя из-за стола и пожимая руку отца. – Какими судьбами?

– Привез своего аудитора. Решил проверить филиалы. – Улыбнулся Эдвард.

– Правильно. Давно пора, – одобрил Макс. – Я выслал тебе результаты работы за прошлый период. Ты смотрел?

– Да, все здорово. Девушки, можете идти. Спасибо, что работаете с нами, – Эдвард Эванс благосклонно улыбнулся блондинке с длинными ногами. – Так держать, девочки.

– Собираешься открыть новый филиал? – спросил Макс, когда коллеги оставили его наедине с отцом. – Присаживайся. Кофе?

– Нет, спасибо. Я ненадолго. – Отказался Эдвард.

Мужчины сели напротив друг друга.

– Ты угадал. Я действительно решил собрать данные по прибыли всех филиалов, проанализировать их и принять окончательное решение.

– Нью-Йорк уже наш. Что дальше?

– Россия, – широко улыбнулся Эдвард. Макс с минуту об-

думывал его слова.

– Ты давно хотел, но я не уверен, – Медленно произнес он, – Слишком сложно. И затраты невероятные.

– Наши программы и технологии пользуются спросом в Штатах и на Западе. Следующая – Россия.

– Москва, как я понимаю.

– Да. Сначала. Потом Казань и Питер.

– Я не поеду, – сразу внес ясность Макс. – И своих людей не дам.

– Я и не прошу. В моем офисе полно смышленных парней. Это ты у нас спец по бабам. Я больше доверяю сильной половине человечества.

– Но я делаю большую прибыль, – с улыбкой заметил Макс. Эдвард кивнул. С гордостью признав, что сын превзошел отца. Молодая энергия способна творить чудеса.

– Сначала я отправлю в Москву ведущего маркетолога, пусть пронюхает почву, а там посмотрим. Я не так давно говорил с Анжеликой насчет ее планов на будущее....

– Стоп, я причем тут она? – оборвал отца Макс, резко переменившись в лице. Колющий взгляд неподвижно замер на лице Эдварда.

– Девочка не хочет поступать в Западный университет, и изъявила желание вернуться на родину. Будет учиться в МГУ, – спокойно пояснил Эванс старший.

– Мне она ничего такого не говорила, – Холодно отозвался Макс, постучав костяшками пальцев по поверхности сто-

ла. – Да и рано еще планировать. Только год в колледже отучилась. Может, ее и отсюда выпрут.

– Не стоит сомневаться в ее способностях, сын. Оставь малышку в покое. Пусть возвращается домой. Разве не видишь, что здесь Энжи чувствует себя не в своей тарелке. Поступит на заочное, будет работать в открывшемся филиале, и, если проявит себя с лучшей стороны, то я поставлю ее на ведущую должность. Это хорошо, когда компанию развивают члены семьи. Лучшей мотивации не придумаешь.

– Она не член семьи, – яростно возразил Макс. – Я содержу ее четыре года, оплачивая каждую прихоть, а ты открываешь филиал ради нее? Что за бред, папа? Мы ей не хреновы благодетели. Я – против.

– Брось, Макс, – нахмурился Эдвард, неприятно огорченный словами сына и его поведением. – Я не совсем спятил, чтобы ради Энжи затевать такую авантюру. Я, конечно, привязался к девочке и желаю ей счастья, но в разумных пределах. Она хочет самостоятельности, хочет быть полезной и благодарной. А я дам ей шанс. Только и всего. Не сгущай краски, Макс. И рано еще обсуждать столь далеко идущие планы, ты сам сказал.

– Может, ты еще и свою часть акций на нее переведешь? – язвительно спросил Макс Эванс. Отец остановил на нем тяжелый осуждающий взгляд.

– Может быть. Мне не безразличная ее судьба, – твердо ответил Эдвард, – Если ты не успокоишься, именно это я и

сделаю. Она боится тебя, как огня. Прекрати это, или я приму меры. Ты же не был таким. Мы привезли ее сюда совсем ребенком, а через два дня она перешагнет порог совершеннолетия. Неужели за годы, проведенные с Анжеликой под одной крышей, ты не смог пусть не полюбить, но принять ее. Именно ты принял решение забрать ее из Москвы и устроить под своим попечительством. Напомню, на случай, если ты снова заявишь, что Энжи – не член семьи, документально у вас одна мать.

– Так удочери ее, будет еще и один отец. Одна большая дружная семья, – иронично ухмыляется Максимилиан Эванс. – А что? Можно еще африканку какую-нибудь пригреть. Сейчас модно брать в семьи голодных и обездоленных.

Тяжело вздохнув, Эдвард качает головой, окидывая сына выразительным взглядом. Надо же, каков осел. Не сантиметра не уступит. Ирония и сарказм. Других интонаций в его голосе он давно не слышал.

– Ты эгоист, Макс, – говорит Эдвард.

– Я? – изумленно переспросил Макс. – Если бы я им был, то четыре года назад оставил нашу сиротку в Москве, и кто знает, чем бы она сейчас зарабатывала себе на жизнь до совершеннолетия.

– Я не знаю, что за мотивы ты преследовал, принимая решение, но благородными порывами там и не пахло. Ты, видимо, решил наказать девочку за то, что София удочерила и любила ее, но твои обиды на ни в чем неповинного ребенка

совершенно бессмысленны. Анжелика не из тех, кто выпрашивает любовь. Твоя мать была доброй женщиной, она пожалела ее, а потом привязалась. Ты был далеко, а Лика близко. Никто не виноват.

– Ну, конечно, – усмехнулся Максимилиан. – Святая невинность просто. Посмотрим, как она отблагодарит нас за доброту.

– Ты не был добр, Макс. Иногда материальной обеспеченности мало. София ушла от нас, и ты считаешь себя преданным, но у тебя есть я, а Лика потеряла и мать, и отца. Неужели в тебе нет ни грамма сочувствия?

– Отсутствие сочувствия я с лихвой возместил деньгами. Она живет, как королева. Мало кому из сирот везет так же, как святой Анжелике.

– Пустая трата времени – переубеждать тебя.

– Вот и не пытайся, – мрачно кивнул Макс. – Разговор окончен. У тебя есть другие вопросы?

– Нет. Настроение испортилось. Я пойду, – хмурится Эдвард, направляясь к выходу.

– Я тебя провожу, – решительно произносит Максимилиан, двигаясь следом.

– Не надо.

– Я тоже уезжаю. Так что нам по пути.

– Так рано? Не похоже на тебя.

Макс небрежно повел плечами.

– Заберу Энжи из колледжа. Нужно кое-то докупить к ве-

черинке.

– И это тоже на тебя не похоже.

– Не хочу, чтобы она опозорилась перед моими друзьями. У твоей любимицы совершенно нет вкуса. Одевается, как церковная певица, – пояснил Макс, накидывая пиджак.

– С каких пор скромность стала признаком отсутствия вкуса? – с иронией поинтересовался Эдвард Эванс. – Я, например, твоего мнения не разделяю. Энжи весьма привлекательная девушка, предпочитающая приглушенные тона и удобство в одежде. Я рад, что она не бежит по распродажам за брендовыми шмотками, как твои блондинки.

– Да, я все понял насчет тебя. Ты у нас добрый покровитель, а я – злой. Как в сериалах про полицейских. Хороший коп, плохой коп, – Макс рассмеялся. – Пошли уже, а то я опоздаю, упорхнет птичка.

– И, Макс..., – отец настойчиво посмотрел на сына тяжелым взглядом. – Теперь ты обязан сказать ей правду. Хватит дурачить девушку.

– Я разберусь.

– Не тяни. Я не собираюсь молчать и дальше.

– Ну, вы даете, Лик. Целый час на телефоне. О чем можно столько разговаривать? – подмигнув подруге, спросила Мила Кравченко. Они двигались по длинному коридору колледжа в сторону выхода. Последняя пара занятий закончилась, и девушки спешили отправиться по магазинам, как и плани-

ровала Анжелика. Ник, наверно, уже ждал их на парковке. От этой мимолетной мысли на душе девушки потеплело. Она улыбнулась спокойно, непринужденно.

– Не знаю, Мил, – смущенно пожала плечами, прижимая к груди сумку с учебниками. Одинаковые юбки студентов с серо-белую полосу колыхались при каждом шаге, демонстрируя стройные ножки, обутые в классические черные туфли. Блузки и жакеты тоже были идентичными. Но Мила даже в студенческой форме выглядела шикарно и привлекала взгляды мужской половины студентов. Виной тому распущенные по плечам выющиеся длинные огненно-рыжие волосы и большие голубые глаза. А еще грудь, которую трудно было спрятать за безликой одеждой. Но, не смотря на обилие знаков внимания, у Милы до сих пор не было постоянного молодого человека.

– И что, у вас все серьезно? – продолжила допрос Мила, игриво улыбнувшись парню, проходящему мимо, заинтересованно скользнувшему по ней взглядом.

– Не знаю, Мил, – еще больше сконфузилась Лика, потому что со смазливового личика подружки высокий блондин перевел взгляд на нее, и задержал дольше обычного.

– Ник только о тебе и говорит. Он точно влюбился. А ты? Если скажешь «не знаю, Мил», я тебя побью, – замедлив шаг, девушка повернулась к подруге. – Будет здорово, если вы поженитесь.

– Об этом рано говорить. Мы пока не на той стадии, –

улыбнулась Анжелика.

– Смотри, подружка, не профукай свое счастье, – Мила многозначительно улыбнулась. – Парни не любят долго ждать. Если ты не уверена, то не пудри моему брату мозги.

– Я не хочу спешить, Мил, – ответила Анжелика. – Он мне очень нравится. А любовь это или нет, покажет время.

– Ты зануда, Лик, – фыркнула Кравченко, и, взяв подружку под руку, потащила за собой. – Шевелись уже. Спишь на ходу. Как твой доклад?

– Высший бал, – не без гордости ответила Лика, едва поспевая за Милой.

Они вышли на улицу. Впервые за последнюю хмурую дождливую неделю выглянуло солнце. Ударило по глазам. Лика прищурилась с непривычки.

Девушки бодро сбегали по ступенькам и направились к парковке. Остановились, высматривая Никиту и его синий Порше. Тут и там, разбившись на небольшие группы, болтали и хихикали студенты, не спеша разъезжаться по домам. Анжелика заметила Нелли, с которой подралась накануне. Девушки встретились взглядами, Нелли скривила презрительно губы и демонстративно отвернулась. Лика последовала ее примеру. Обычно Нелли не позволяла Анжелике пройти мимо, отпуская в ее адрес едкие шуточки. Но этот раз она промолчала, а, значит, немного рукоприкладства пошло ей на пользу. Нет, Лика вовсе не гордилась своим поведением, Нелли вывела ее из себя. Видит Бог, она очень старалась. Вот

и получила.

— Упс, — удивленно выдохнула Мила, дернув Лику за рукав блузки. — Смотри-ка туда...

Анжелика проследила за взглядом подруги... Оцепенела. Знакомый озноб прошелся по спине. Судорожно втянула воздух, закрыла глаза, надеясь, что, когда откроет, мираж рассеется.

Не тут-то было. Лика сделала еще одну попытку. Онаглянула по сторонам, пошарила взглядам по лицам студентов, которые стояли ближе, чем они с Милой. Может, все-таки не к ней....

Но Максимилиан Эванс смотрел на нее. Сомнений не осталось. Даже темные очки, скрывающие синие глаза, не скрывали его намерений. Нужно подойти, спросить, что ему понадобилось, но ноги не слушались. Она стояла, как вкопанная, глядя на своего опекуна с неприкрытым ужасом. И одна половина студентов наблюдала в этот момент за ней, другая пялилась на Макса.

Инопланетянин. А еще ее упрекал....

Макс Эванс стоял, небрежно прислонившись спиной к своему красному спорткару с откидным верхом. Растрепанные черные волосы и темные очки, самоуверенное нагловатое выражение лица, ленивая улыбка. Высокий, стройный. Стильный распахнутый пиджак, темно—синяя рубашка безгалстука, черные брендовые джинсы.... Девушка неосознанно подмечала все эти детали, упрямо оттягивая момент кон-

такта.

Неудивительно, что его появление вызвало фурор. Богатый неженатый красавец. Его слава плеейбоя-миллионера бежала впереди. Краем глаза Лика заметила, что даже Нелли не сводит с Макса жадного взгляда. Наивные дурочки. Знали бы они, что за красивой оболочкой нет ничего, кроме аналитического ума, дурного характера и душевной пустоты.

И все же... Все же на него было сложно не смотреть. Анжелика сглотнула образовавшийся в горле комок, стиснула зубы и пошла к нему. Наверное, на эшафот подняться было бы легче, чем вот так, на глазах всего колледжа подойти к Макс Эвансу. Мила семенила за ней. Подруга тоже пребывала в недоумении.

Эванс впервые посетил территорию колледжа.

Анжелика заметила немного правее от спортивного автомобиля Макса скромный Порше Ника. Он тоже вышел из машины, и хмуро наблюдал за своей подружкой и ее неожиданным посетителем. От разочарования и обиды хотелось расплакаться. *Этот день должен был стать другим.* Солнечным, светлым, радостным и веселым....

– Привет, Энжи, – шагнув ей на встречу, почти ласково сказал Макс. Лика даже обернулась, чтобы убедиться, что за ее спиной нет другой Энжи.

– Ты напился, что ли? – тихо спросила она. Макс рассмеялся, и, протянув руку, обхватил пальцами запястье девушки, вынуждая приблизиться к нему. А потом он совер-

шил нечто запредельное, дикое и абсурдное! Наклонившись Макс, поцеловал ее в щеку. Это нормальное поведение для друзей и родственников, но не для них. Не для Макса, который на дух не переносит свою подопечную.

– Как твой доклад? – приторно любезным голосом спросил он у опешившей, потерявшей дар речи девушки. Все еще держа ее руку.... Она смотрела теперь не в самодовольное лицо Эванса, а на смуглые пальцы на своей бледной коже. И чувствовала себя мухой, попавшей в лапы паука.

– Сдала, – сухо ответила она скрипучим голосом. Подняла взгляд. – Зачем ты приехал?

Макс пожал плечами, отпуская ее руку, и обращая свое внимание на Милу. Улыбка его стала шире. Лицемер. При-творщик.

– А это Мила? Привет, мы виделись, но не успели познакомиться.

– Привет, Макс, – холодно кивнула ему Мила. Анжелика мысленно поблагодарила подругу, не поддавшуюся на чары Эванса.

– Вы куда-то собирались? – невинно спросил он.

Мила что-то отвечала ему. Энжи не слышала, она обвела взглядом окружающие их лица. В этот момент они стали центром внимания. Впервые за год обучения здесь. Жадное любопытство, злорадное ожидание, откровенная жалость.... Она узнавала все оттенки выражения глаз, обращенных на нее. И уже догадывалась, что станет предметом обсуждений

на ближайшие пару дней. Еще бы... Бедную родственницу впервые посетил ее богатый опекун. И даже снизошел до разговора. Не то, чтобы их никогда не видели вместе в одном месте. Подобные случаи бывали. Пару раз Лике приходилось сталкиваться с Максом на выставках, в кафе или в парке, но он всегда делал вид, что не знаком с ней, просто проходил мимо, демонстративно не замечая. Именно это показное пренебрежение и стало залогом многочисленных насмешек и колких шуток. Анжелика отдала бы многое, чтобы узнать, кто именно пустил слухи об ее отце, русском рецидивисте и алкоголике, лечении в психушке и благородстве снизошедших до нее Эвансов, подобранных нищенку чуть ли не с панели. Впервые она услышала гадкие сплетни три года назад. Тогда же ее в первый раз отчислили из хорошей школы за вызывающее поведение.

Сердце девушки сжалось от душевной боли. Она посмотрела на Никиту, который стоял так близко... и так далеко. Единственный, в чьих глазах она читала сочувствие. Единственный, кто что-то рассмотрел в ней, смог полюбить, наплевав на мнение остальной толпы.

– Энжи, ты так и будешь молчать? – обратился к ней Макс. Она вздрогнула, переводя на него измученный взгляд. Как же он ей надоел.

– Что тебе нужно? – почти грубо спросила Анжелика.

– Мы не все купили к твоему празднику. Я решил лично сопровождать тебя по магазинам. Не хочу, чтобы ты экономи-

ла на себе. Не в этот раз.

– Правда? – иронично спросила девушка. Макс утвердительно кивнул.

– Можем взять с собой Милу. Ты же собиралась пойти с ней, не так ли?

– Я вспомнила, что у меня еще не сделана самостоятельная работа по маркетингу, – поспешно ответила Кравченко. – Езжайте вдвоем.

Лица изумленно посмотрела на подругу. Такого предательства она не ожидала. Иуда – просто святой по сравнению с ней.

– Садись в машину, Энжи, – с нарочитой любезностью бросил Эванс.

И она снова сделала так, как хотел Макс.

– Мы произвели фурор, – Усмехнулся он, трогаясь с места. Спорткар плавно поехал вперед, виляя между рядов автомобилей.

– Ты произвел, – уточнила девушка, провожая взглядом Милу и Никиту. Они стояли рядом, и тоже смотрели на нее.

– Я – полная дура, – вздохнула Анжелика. – Нужно было послать тебя к черту.

Губы Макса дрогнули в улыбке, он бросил на девушку беглый взгляд.

– А почему не послала?

– Ты бы не ушел, – с безысходностью в голосе ответила она.

– Умница. Не буди лихо, пока оно тихо. Куда едем, крошка?

– Мне все равно, – Лика уставилась вперед равнодушным взглядом. – Что за цирк ты устроил, Макс?

– Решил тебя удивить.

– И удивил весь колледж.

– Брось, теперь ты станешь самой популярной девушкой курса.

– Можно подумать, я в этом нуждалась.

– Не хмурься, тебе не идет. Я тебе предлагал вчера перемирие? – напомнил Макс. Лика взглянула на его профиль. Хорош засранец. С какой стороны не посмотри. Где справедливость?

– Ну, помню, – отозвалась она.

– Считай, что я сделал первый шаг. Второй – за тобой. Тебе выбирать – провести время в постоянных перепалках или получить удовольствие от моей щедрости.

– Знать бы, что за муха тебя укусила. И когда пройдет анафилактический шок. Или, что ты попросишь взамен на свою... хм... доброту.

– Всеу свое время, Энжи, – бархатистым тоном ответил Макс. – Много я не попрошу.

– Можно подумать, у меня есть это «много».

– Ты себя недооцениваешь, – улыбка Эванса относится к разряду чувственных, и Лика впервые видела ее его лице, обращенной в свой адрес.

– Ты сейчас, о чем? – холодно спросила Анжелика, ерзя на сиденье.

– Не бойся, я тебя не обижу, – пообещал Макс тоном, который ей совсем не понравился.

– Верится с трудом.

– Ты едешь? – Никита Кравченко вопросительно взглянул на сестру. Мила заметно расстроилась из-за внезапного отъезда подруги. Еще больше расстроился сам Ник. Но в данной ситуации вмешательство могло только усугубить положение Анжелики. А ее жизнь с этим наглым ублюдком и так невыносима. Ник мог только предполагать, чем мотивировалось необоснованно жестокое отношение Эванса к сводной сестре. Избалованный богатенький мальчик, с детства привыкший, что все его капризы и пожелания исполняются по мановению пальца. Ник встречал таких парней. Сначала мучают кошек, потом людей. И получают удовольствие от угнетения слабого. Но сегодняшний спектакль, разыгранный специально для него, Ника, в чем он, ни на йоту не сомневался, всерьез встревожил молодого человека. Никита боялся, что Эванс способен от морального угнетения перейти к физическому. С его-то славой бабника. Эта пугающая мысль прочно засела в голове Ника, отравляя кровь яростью. Нельзя допустить, чтобы Лика пострадала от грязных лап этого мерзавца, уверенного, что любая гнусность сойдет ему с рук.

– Никит, ты в порядке? – мягко спросила сестра, заметив

напряженное выражение на его лице. Он рассеяно кивнул.

– Да. Просто меня бесит Макс Эванс, – ответил Ник сквозь зубы. – Ей нужно бежать от него, пока не поздно.

– Я с тобой полностью согласна, – озабоченно ответила Мила. – Давай поговорим с родителями. У нас есть свободная комната. Ты неплохо зарабатываешь. А, как назначат на должность управляющего, вы сможете снять отдельное жилье.

– Мы говорили об этом с Ликой. Но она не хочет торопить события.

– Она передумает, – уверенно сказала девушка, положив ладонь на плечо брата. – Ты заметил, как Анжелика расцвела? Такая красивая стала. Я даже ревную немного. Она влюбилась. Влюбленные девушки всегда преобразаются

– Хотелось бы верить, – вздохнул Ник. – Ладно, посмотрим, что получится. Так ты со мной?

– Нет, пойду прогуляюсь. Погода замечательная. Может, вместе?

– В другой раз. Ладно, пока, – Ник чмокнул сестру в щеку. – Долго не гуляй.

– Ага, – мелькнула белозубая улыбка на смазливом личике, – Предкам скажешь, что я задержусь.

Мила развернулась и быстро пошла в сторону парка, по дороге набирая чей-то номер.

– Извините, вы не могли бы мне помочь? – спросил мелодичный приятный женский голос. Ник оторвался от созерца-

ния удаляющейся сестры и перевел взгляд на высокую стройную блондинку в двух шагах от него. Откуда она взялась? Скользнул вниз по точеной фигуре. Талия, грудь, длинные ноги. Полный комплект. Черная юбка-карандаш, блузка с жабо и строгий жакет. На искательницу приключений не похожа. Еще полгода назад он назвал бы девушку шикарной. А сейчас: холеная сучка. Яркие голубые глаза смотрели прямо на него. С мольбой. Словно только он один мог ее спасти. А заодно и весь мир. Мужчины любят подобные взгляды. Они будят в них защитника, героя. И мужчины часто влюбляются в женщин, способных смотреть так, но не отдают себе отчета в том, что, прежде всего, любят не саму женщину, а свое отражение в глазах.

– Что у вас случилось? – вежливо спросил Ник.

Блондинка пленительно улыбнулась, заставив парня озадаченно нахмуриться.

– Маленькая неприятность. Я приехала сюда на такси, чтобы передать кое-что своей младшей сестре, отпустила машину, а сестра, оказывается, сегодня прогуляла. Мне нужно срочно вернуться на работу, а я, как назло, оставила в офисе телефон и кошелек.

– Вы хотите, чтобы я вас подвез? – догадался Кравченко.

– Да, если не трудно. Я обязательно вас отблагодарю.

– Не нужно. Я подвезу. Куда вам?

Девушка назвала адрес. Ник открыл ей дверцу машины.

– Садитесь.

– Я сразу поняла, что вы добрый, – Улыбнулась блондинка. – У вас такое лицо приятное.

– Ладно вам. Нет никакого подвига в том, чтобы помочь женщине, – Смутился Ник, садясь за руль. Девушка кокетливо посмотрела на него.

– Вы не студент, так?

– Как вы догадались.

– Вы старше остальных. Ой, не в обиду. Я тоже не похожа на ученицу колледжа.

– Очень даже похожи.

– Вы джентльмен. Это такая редкость.

Ник понимал, что девушка флиртует с ним. Но не знал, как ее остановить. Раньше он бы воспользовался шансом, но сегодня его сердце и мысли были заняты другой девушкой.

– Я самый обыкновенный, – сухо ответил он.

– И грустный. Вас кто-то расстроил?

– Вам показалось.

– Хорошо. Вы тоже к кому-то приезжали?

– Да. Встречал свою девушку.

– И где она?

Никита не ответил, а блондинка сделала свои выводы.

– Не переживайте, все наладиться. Ей очень повезло с вами.

– Мы не поссорились. Просто планы изменились.

– Хорошо, – пожала плечами соблазнительная пассажирка. Она явно ему не поверила. Ну, и плевать.

Он довез девушку до пункта назначения, атакованный дюжиной вопросов. В принципе, она оказалась легким собеседником. Неглупа и симпатична.

– Я бы очень хотела поблагодарить вас за доброту, – сообщила она, когда автомобиль остановился. Посмотрела прямо в глаза. Искренне улыбнулась. – Просто вежливый обед. Я угощаю.

– Вы, вроде, спешили, – напомнил Ник, не зная, как вернуться из щекотливой ситуации.

– Не сейчас. Позже. У вас есть номер телефона? Как вас зовут?

– Никита. Но я не....

– Не обижайте девушку отказом.

– Извините, у меня планы...

– А завтра?

– Вы не успокойтесь, пока я не соглашусь? – усмехнулся Ник. Она покачала головой.

– Хуже. Не выйду из машины без вашего номера телефона. Поверьте, у меня к вам исключительно дружеский интерес.

– Хорошо, – сдался парень, протягивая блондинке свою визитку.

– Спасибо, Ник. Я в вас не ошиблась, – расплылась в широкой счастливой улыбке. – Пообедаем завтра.

– Звоните, – Кивнул он. Девушка открыла дверцу, чтобы выйти. – Подождите, как вас зовут?

– Фрея, – она резко повернулась, светлые локоны упали на лицо. И все же у нее потрясающие глаза. – До завтра, Ник.

Глава 4

«Большинство людей в действительности не хотят свободы потому, что она предполагает ответственность, а ответственность большинство людей страшит.»

3. Фрейд.

Анжелика прислушалась к словам Макса, и решила не будить «лихо». Она выбрала мир, призрачный и ненадежный. Фальшивый и шаткий.

Они обошли огромное количество бутиков. Потратили три часа и кучу денег. Лика не просила ни о чем. Почти все время молчала, чтобы снова не вступить в неприятную для обоих конфронтацию. Выбирал Макс. И, надо признаться, вкус у него отменный. Даже в области женской одежды и аксессуаров. Потрясающие кремовые туфли на шпильке от Гуччи, маленькая сумочка от Луи Виттона, и даже белье от Виктории Сикрет. Последний пункт заставил девушку сильно понервничать, а он только посмеялся над ее смущением. Пришлось сдаться. И позволить Максу купить ей все, что он посчитал подходящим и необходимым. Однако в ювелирном магазине она решительно отказалась от безумно дорогого комплекта из белого золота, инкрустированного бриллиантами. Длинные серьги и ожерелье с подвеской в форме солнца с длинными лучами. Очень красивые. Замечательные просто. Девушка смотрела на украшения, как голодная кошка на

сметану, но нашла силы противостоять соблазну. Слишком велика цена для одного вечера. Макс сдаваться не желал, и купил копию понравившегося набора. Стразы вместо бриллиантов. Выглядит не хуже, но дешевле в десятки раз. Менеджер торгового зала проводил их удивленным взглядом. И, вообще, со стороны они производили странное впечатление. Девушка в форме колледжа с по-детски небрежно заплетенной косой и стильный взрослый мужчина, выбирающие колготки и нижнее белье, примеряющее туфли и украшения. Энжи, как книгу, читала выражение глаз последнего продавца, запаковывающего покупку Макса в бархатный футляр. И улыбалась. Как ангел.

– Он считает тебя сумасшедшей, – прокомментировал Макс Эванс, открывая перед ней дверь. На улице начало смеркаться. Они встали на тротуаре, вдыхая прохладный воздух. Макс тоже улыбался. Доволен собой.

– Поужинаем где-нибудь? – еще один неожиданный вопрос. Лика взглянула в невозмутимое удовлетворенное лицо. – Что ты так смотришь?

– Пытаюсь разгадать, что там, за синими стекляшками.

– Бесполезное дело. Там пусто. Ты сама мне не раз говорила об этом. Я просто устал и хочу есть. Только и всего.

– Ага, – усмехнулась она. – И тебе нужна моя компания?

– Может, я вежливый человек, – улыбнулся Эванс кончиками губ. Ох уж эти его улыбки. Несмотря на их неискренность, снисходительность и даже пренебрежение, они не мог-

ли не привлекать к себе внимания. И все-таки.... Все-таки Лика не осмелилась бы никогда сказать про Макса – «очаровательный мужчина», «обаятельный молодой человек». И никто бы не смог. Не потому что он был некрасив. Наоборот. Просто язык не поворачивался. Есть люди очень красивые, но они не нравятся, они не обаятельны и не очаровательны. Злая красота. Жестокая. Высокомерная. Холодная. На нее хочется смотреть, но нет желания потрогать. Королевская кобра тоже красива, но никто не спешит приобрести ее себе домой.

– Значит, я не вежливая, Макс, – покачала головой Анжелика. – Я еду домой, а ты можешь поужинать с одной из своих блондинок.

– Вы с отцом называете моих подруг одинаково, – Склонив голову набок, Эванс скользнул взглядом по лицу Энжи.

– Потому что они одинаковые, – пожала плечами она. – Но, не спорю, все красивые. У тебя хороший вкус.

– Это сейчас был комплимент?

– Вроде того.

– А как насчет благодарности? Ужин мог бы сгладить мое сожаление по потраченным деньгам.

– Мы можем поесть дома. Ни к чему снова тратиться. Я умею готовить.

– Договорились, – кивнул Макс.

– Не могу поверить, что это происходит..., – вырвалось

у Анжелики, когда Эванс передал ей тарелку с нарезанным хлебом. В гостиной-столовой горел приглушенный свет. Огромный круглый стол в центре, за которым только двое. Впервые в подобном составе за четыре года. Она никогда не видела, как он ест, или спит.... Или улыбается. Искренне, расслабленно, как сейчас. Даже рядом с отцом Макс носил свою маску снежного принца. Но была ли маска? Ей хотелось верить, что да. Что за маской скрывается другой Максимилиан Эванс. *Почему?* Вопрос смущал ее, не давал покоя. Так же, как отсутствие неприязни к нему, обоснованной. Страх – да, раздражение, иногда злость. И все-таки, если бы с ним случилось что-то ужасное, она плакала бы....

– А что происходит? – спросил Макс, заглядывая ей в глаза. Спокойный, любопытный взгляд. Небрежная, но не привычно-ироничная улыбка. Он плеснул вина в ее бокал. Взял свой, пригубил, смакуя букет. У него красивые губы. Весь красивый. Такие дети рождаются от большой любви. Но разве у детей, рожденных от большой любви, не должно быть большое любящее сердце?

– Мы ужинаем, разговариваем, пьем вино, ты купил мне кружевную комбинацию...

Макс рассмеялся, в уголках глаз появились лучики. Тонкая паутинка морщинок. Она не видела их раньше. Он умеет смеяться иначе. Ему скоро исполнится тридцать лет. Так много, по сравнению с ее – восемнадцатью. На одиннадцать лет больше опыта и знаний. Почему он никогда не пытался

попробовать отбросить презрение и стать тем, кем должен? Другом, братом, советчиком....

– Боюсь, что в том бутике нас поняли неправильно, – Вытирая губы салфеткой, весело сказал Эванс. – Ты выглядела, как Лолита. Гордая, вредная, несговорчивая, но очаровательная.

– Нет, я не очаровательная. Обыкновенная, – покачала головой Энжи, попробовала вино. – Вкусно.

– Еще бы. За такую цену невкусно быть не может, – самодовольно ухмыльнулся Макс.

– Зачем тратить большие деньги на вино?

– Я люблю роскошь. Что в этом плохого? Если человек имеет возможность баловать себя, то не вижу смысла отказывать себе в удовольствиях.

– Я думаю, что тебе пора жениться и завести детей, – заявила Анжелика, резко сменив тему. Его взгляд изменился. Холодный, отчужденный, замкнутый.

– Я никогда не женюсь, – Твердо заявил он. – У меня никогда не будет детей.

– Почему? – искренне удивилась девушка.

– Не хочу, чтобы они страдали. Роль отца не для меня.

– Ты можешь измениться, если захочешь, – осторожно предположила она.

– В том-то и загвоздка. Я не хочу, – пристальный взгляд, как выстрел. Лица задержала дыхание. Сердце упало вниз. Грустно. Обидно. Он говорит правду.

– Ты можешь передумать. Человеку необходима семья. Он должен чувствовать, что его любят.

– Ты у нас психолог? Или просто излагаешь свои мысли?

– Это прописные истины.

– Не для меня.

– Ты не исключение, Максим...

– Не называй меня так, – глаза его сузились, ее обдало волной холода.

Почему? Макс, Максимилиан, Максим – вариации одного имени. Лика промолчала, поджав губы.

– Вернемся к разговорам о семье. Ты планируешь завести кучуスピノгрызов и состариться рядом с тем смазливый парнем, который ждал тебя у колледжа? Неужели он так хорош?

– Я ему нравлюсь, – пожала плечами Анжелика. Вино развязало ей язык, избавив от привычной осторожности и немногословности. Сумасшедший день.

– И все? – Макс удивленно приподнял брови. – Я многим нравлюсь, но не испытываю желания ...хм... превратить это в нечто серьезное.

– Многим нравятся твои деньги, а ты лишь приложение к ним. У меня нет ничего, а Никита все равно хочет встречаться со мной.

– А чего хочешь ты? – прямо спросил Макс. Синие глаза смотрели прямо в душу. Она сжала ножку бокала напряженными пальцами.

– Окончить университет, найти хорошую работу, выйти

замуж. Быть счастливой. Ничего нового ты не услышишь. Я тоже не исключение.

– Отец сказал, что ты выявила желание продолжить обучение в Москве, – выстрелил он. Лица съежилась, побледнела. Она не ожидала, что Эдвард выдаст ее. – Ты скрывала от меня. И сейчас лжешь. Почему?

– Я пока не уверена. Не хотела, чтобы ты очередной раз посмеялся надо мной.

– Я сейчас смеюсь?

– Нет, – покачала головой Анжелика.

– Собиралась уехать от меня? Не попрощавшись? Поставить перед фактом, после всего, что я сделал для тебя? – холодный упрек в его глазах. Лица изумленно заморгала.

– От тебя? О чем ты говоришь? Ты сам говорил, что через год купишь мне квартиру. Ты должен радоваться, что я сэкономлю твои деньги и вернусь в Россию.

– Ты можешь сделать это прямо сейчас, – расслабленно откинувшись на спинку стула, лениво проговорил Эванс, скользя по ее лицу непроницаемым взглядом. – Я куплю тебе билет. Я устрою твой перевод в МГУ. Сниму или куплю квартиру в Москве.

– Не терпится избавиться от меня?

– Тебя это огорчает?

– Да, – искренне ответила девушка. Его взгляд замер. – И нет. Я не готова принять твоё предложение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.